

СОЛОН И ГРЕЧЕСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ V в. до н.э.: СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТОЧНИКОВ, КОТОРЫХ НЕТ?

И. Е. Суриков

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия
isurikov@mail.ru

Аннотация. Тем свидетельствам источников о Солоне, которые датируются V веком до н.э. (за исключением «солоновских» экскурсов у Геродота), уделяется в антиковедении мало внимания (гораздо более популярно изучение «солоновской традиции» в IV в. до н.э.). Причина ясна — очень малое количество таких свидетельств, особенно если говорить о прямых упоминаниях афинского поэта-законодателя, в силу чего неизбежным становится привлечение косвенного (т.е. в каком-то смысле даже как бы и не существующего) источникового материала. Почему нет ни слова о Солоне у Фукидида и его учителя Антифонта — притом что они заведомо не могли не знать о деятельности человека, сыгравшего столь видную роль в истории их полиса? Что могли писать о Солоне софисты, активно интересовавшиеся проблемой традиционной практической мудрости? Как трактовать те свидетельства о Солоне, которые содержатся у комедиографов V в. до н.э.? Можно ли получить какие-либо данные об интересующем нас персонаже от поэтов того же столетия, писавших трагедии или продолжавших лирическую традицию? Этим вопросам посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: Солон, проблема источников, литература V в. до н.э., нарративная традиция, Фукидид, Антифонт, софисты, комедия, трагедия, лирика

SOLON AND GREEK INTELLECTUALS OF THE 5th cent. BC: EVIDENCE OF NON-EXISTENT SOURCES?

Igor E. Surikov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
isurikov@mail.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Humanities, No. 14-01-00018

Данные об авторе. Суриков Игорь Евгеньевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 14-01-00018 «Законодательная и реформаторская деятельность Солона в контексте истории архаической Греции».

Abstract. Little attention is paid in classical scholarship to the pieces of evidence on Solon which date from the 5th century B.C. (Herodotus' 'Solonian' excursus are an exception); as much more popular is studying the 'Solonian' tradition in the 4th century B.C.). The obvious reason is scarcity of those pieces of evidence, especially when we seek for direct mentions of the Athenian poet and law-maker; as a result, enlistment also of indirect (so in some sense even non-existing) source material becomes inevitable. Why is there not a single word on Solon in Thucydides and his teacher Antiphon, who, of course, could not be ignorant of activities of the person who had played such a prominent role in the history of their polis? What might the Sophists write on Solon, since they were acutely interested in problems of traditional practical wisdom? How can the mentions of Solon in 5th century B.C. comedies be interpreted? Is it possible to obtain any data on the man in question from the poets of the same century who wrote tragedies or continued the lyric tradition? These are the questions the present article deals with.

Keywords: Solon, problem of sources, 5th century B.C. literature, narrative tradition, Thucydides, Antiphon, the Sophists, comedy, tragedy, lyric

Складыванию античной нарративной традиции о Солоне посвящена довольно обширная литература¹. В результате проводившихся на протяжении ряда десятилетий исследований положение *communis opinio* приобрела (и, в общем, совершенно оправданно) точка зрения, согласно которой «канонический» образ выдающегося афинского реформатора в основных чертах сформировался в IV в. до н.э. — прежде всего усилиями ораторов (начиная уже с Андокида и Лисия)², политических памфлетистов³ и, в конечном счете, философов перипатетической школы⁴ во главе с самим Аристотелем⁵ (оговорим, что на интерпретации перипатетиков в значительной степени повлияли изыскания аттидографов⁶).

В указанном столетии о Солоне вообще писали много; несравненно меньше сообщений о нем у авторов V в. до н.э. Нам кажется, что они уже в силу редкости должны привлекать к себе специальное внимание, поскольку к тому же являются самыми ранними упоминаниями законодателя, не считая стихов самого Солона. Увы, из имеющихся в нашем распоряжении (изначально их, конечно, было намного больше, но очень многие пропали, что приходится принимать во внимание) свидетельств такого рода одни отличаются досадной краткостью, другие — вырванностью из контекста, третьи — проблематичной достоверностью... Последнее относится прежде всего к Геродоту. У него-то как раз информации об интересующем нас деятеле нема-

¹ См., например, Ruschenbusch 1958; Oliva 1973a; Mossé 1979; Hansen 1989; Sagstetter 2013.

² Carey 2015.

³ David 1984. Следует оговорить, что именно к памфлетной прозе (а не к ораторской в строгом смысле слова) следует относить многие произведения Исократ.

⁴ Солон неоднократно упоминается уже Платоном, но эти упоминания являются штрихами к характеристике платоновской мысли, а отнюдь не солонической деятельности (Flores 2013; Morgan 2015).

⁵ См., в частности, Mühl 1956; Leduc 1998; Gehrke 2006; Rhodes 2015; Surikov 2016.

⁶ Harding 1977; Chambers 1993.

ло⁷: Солон выступает в геродотовском труде одним из ключевых героев, в чьи уста «отец истории» подчас вкладывает свои заветные мысли⁸. Однако сведения Геродота о Солоне порождали и порождают множество недоуменных вопросов в связи с то и дело встречающимися несообразностями, особенно хронологическими.

Достаточно интересным, пожалуй, даже нуждающимся в объяснении обстоятельством является то, что у «преемника» (но в чем-то и антагониста) Геродота, — а именно таковым является Фукидид, — нет ни слова о Солоне, его имя даже не упоминается в труде великого историка Пелопоннесской войны. При этом не может даже быть и речи о том, чтобы Фукидид не знал о Солоне, его деятельности, его законах. Разумеется, знал. Солоновские стихи в Афинах V в. до н.э. дети наизусть учили в школах. Солоновское законодательство было, несомненно, хорошо знакомо уже учителю Фукидида — знаменитому оратору и философу-софисту Антифону; тем не менее и в сочинениях Антифона, дошедших до нас (либо целиком, либо фрагментарно), Солон тоже никак не фигурирует (см. ниже). Уж не воспринял ли Фукидид аналогичную манеру у своего наставника? Или, может быть, «пренебрег» Солоном «в пику» Геродоту (с которым он подчас косвенно полемизирует в своем труде), поскольку в труде последнего афинский мудрец занимает, как мы видели, значительное место?

Как бы то ни было, перед нами, несомненно, какой-то «неудобный» факт. И вполне закономерно, что периодически в современной историографии встречаются попытки показать, что если не явно, то хотя бы подспудно Солон в «Истории» Фукидида все-таки присутствует. Что, например, представления о его личности повлияли на фукидидовский образ Перикла⁹.

Где нет прямых данных, там приходится искать косвенные. Тут-то мы и выходим на проблему «несуществующих свидетельств». Последние приходится разделять на не существующие для нас, но когда-то существовавшие (не приходится, в частности, сомневаться в том, что в памятниках древней аттической комедии присутствовало гораздо большее количество пассажей, имеющих отношение к Солону, по сравнению с той жалкой горсткой, какую мы имеем ныне¹⁰), и такие, которые не существовали никогда. Нас будут интересовать и те и другие, но преимущественно, пожалуй, вторые. Что под ними имеется в виду — будет ясно из дальнейшего изложения.

⁷ По теме «Солон у Геродота» написано весьма много. Сошлемся здесь только на последнюю по времени работу (Hollmann 2015), из которой можно почерпнуть ссылки на важнейшие из предшествующих. Как раз в тот момент, когда писались эти строки, нам прислали еще одну работу (Chiasson 2016), причем принадлежащую автору, который весьма компетентно высказался по этой теме уже 30 лет назад (Chiasson 1986). Новую свою статью он озаглавил “Solon’s Poetry and Herodotean Historiography”, что уже звучит достаточно провокационно для современных деконструкционистов, которые сформулировали бы не ‘Solon’s poetry’, а скорее ‘Solonian poetry’ или, еще лучше, ‘poetry ascribed to Solon’, как мы и встречаем неоднократно в вышеупомянутой статье А. Холльмана.

⁸ Ср. Defradas 1954, 217; Solmsen 1974, 5.

⁹ Szegedy-Maszak 1998; Thompson 2009.

¹⁰ В связи с этими сохранившимися свидетельствами комедиографов о Солоне см. Oliva 1973b; Martin 2015.

Недавно появилась работа на тему «Солон и софисты»¹¹, поставленную абсолютно резонно, поскольку софисты позиционировали себя как наследников той традиции, которая воплотилась в фигурах «семи мудрецов», — а ведь в перечень этих последних Солон включался обязательно. Представителей софистического движения он не мог не привлекать тем, что практиковал чисто практическую, жизненную мудрость, к которой демонстративно стремились и они.

Тем не менее, как отмечает автор только что упомянутой статьи Х. Телл, в источниках редко усматривается какая-либо непосредственная связь между Солоном и софистами. Единственное исключение — топос «Солон и Критий». Знаменитый софист второго поколения, одиозный лидер «Тридцати тиранов»¹², находился в прямом родстве с древним законодателем. Критий, персонаж платоновских диалогов «Тимей» и «Критий» рассказывает знаменитую историю об Атлантиде, возводя ее именно к Солону¹³. Впрочем, как бы то ни было, ни в одном из сохранившихся фрагментов сочинений Крития упоминаний о Солоне нет. Да и в целом, констатирует Телл, прямой информации об обращении софистов к Солону нет никакой, так что приходится прибегать исключительно к косвенной. Вот автор и «вынимает из закров» такую проблематичную фигуру, как Мнесифил — будто бы искомое «связующее звено» между Солоном и софистами¹⁴, а также несколько абстрактно обсуждает актуальность темы солиасия (ὁμόνοια) как для первого, так и для вторых.

Отметим в данной связи, что, прежде всего, Х. Телл не учел или упустил одно прямое указание на Солона в произведении софиста. И пусть софист этот — не из самых известных (о нем даже мало кто из специалистов слышал), а именно Алкидамант. Ученик Горгия и современник Крития, стало быть, тоже один из довольно поздних представителей софистического движения, он, тем не менее, безусловно к нему принадлежал¹⁵.

В одной из сохранившихся цитат из Алкидаманта (ар. Arist. Rhet. II. 1398b10 sqq.) читаем:

И как Алкидамант [доказывает], что все почитают мудрецов: паросцы почитали Архилоха, хотя он был клеветник, хиосцы — Гомера, хотя он не был их согражданином, митиленты — Сафо, хотя она была женщина, лакедемоняне избрали Хилона в число геронтов, хотя чрезвычайно мало любили науки, италийцы — Пифагора, жители Лампсака похоронили Анаксагора, хотя он был чужестранец, и почитают его и поныне... что афиняне пользовались благополучием, пока руководились законами Солона, а лакедемоняне — пока руководились законами Ликурга... (пер. Н. Платоновой).

Легко заметить, что здесь перед нами, по большому счету, стандартный набор топосов о мудрецах. Солон упомянут исключительно как законодатель, причем в связи с ним в скрытой форме выражено недовольство тем, что афиняне

¹¹ Tell 2015.

¹² О его неоднозначных характеристиках в последующей литературе, в том числе у Платона, см. Ungern-Sternberg 2000; Danzig 2014.

¹³ Впрочем, мы в последнее время склоняемся (как и Tell 2015, 9) к тому, что, пожалуй, верно интересное предположение Д. Нейлс, автора известной книги о платоновской просопографии (Nails 2002, 106 ff.), согласно которому Критий этих платоновских диалогов — не Критий, сын Каллесхра, а его дед Критий, сын Леэда, ставший известным из надписей на остраконах (см. Surikov 2006, 546).

¹⁴ О проблеме Мнесифила см. Frost 1971; Lenardon 1978, 22.

¹⁵ Об Алкидаманте см. Guthrie 1977, 311 ff.; Edwards 2007.

перестали в должной мере пользоваться его узаконениями и в результате утратили свое былое благоденствие. Это дает основание датировать приведенный пассаж как раз концом V в. до н.э., когда в афинском общественном мнении шли активные дебаты о роли законов и законности в жизни полиса: они в конце концов привели к известной законодательной реформе¹⁶, начавшейся в 411 г. до н.э. и протекавшей около десятилетия, причем мыслившейся как поновление древнего солоновского свода.

Далее, Х. Телл, говоря о софистах, уделяет, на наш взгляд, неоправданно малое внимание Антифону, а если называть вещи своими именами, — не уделяет практически никакого¹⁷. Истинное место Антифона в софистическом движении, — а это место было весьма значительным, — стало понятным после появления этапной монографии М. Гагарина¹⁸. Отметим сразу, что в антифоновском наследии имелся (сохранившийся фрагментарно) философский трактат «О согласии» (Περὶ ὁμόνοιας, или просто Ὀμόνοια, «Согласие», — в традиции фигурирует то один, то другой вариант заголовка), наиболее вероятной датировкой которого Гагарин, с которым мы тут совершенно согласны, считает 430-е годы до н.э. Телл утверждает, будто бы об этом труде почти ничего не известно, кроме названия, но подобное суждение нельзя признать соответствующим действительности. Сохранились несколько десятков фрагментов из названного сочинения (Antiph. fr. 44a — 71 DK), причем некоторые из них — достаточно объемные. Их-то и следует привлекать, если мы хотим понять, коррелировали ли идеи Антифона с солоновскими. Приведем несколько примеров:

Но и согласие, во всяком случае, представляется величайшим благом для городов, и чаще всего в них советы старейшин и лучшие мужи увещевают граждан сохранять согласие; и повсюду в Элладе существует закон — гражданам клясться, что они будут в согласии, и повсюду приносят эту клятву. Я же считаю, что это заключается не в том, чтобы граждане присуждали победу одним и тем же хорам, или восхваляли одних и тех же флейтистов, или предпочитали одних и тех же поэтов, или радовались одному и тому же, а в том, чтобы они повиновались законам. Ибо когда гражданам им следуют, города становятся более сильными и богатыми; а без согласия ни городом невозможно хорошо управлять, ни домохозяйство хорошо вести... Согласие, как то намеренно показывает и само это слово, собрало в себе вместе общность и единство одинакового ума¹⁹. Именно поэтому, устремившись отсюда к городам и домохозяйствам, оно приходит ко всем общим сходкам и частным домам, ко всем природным явлениям и сродствам, равным образом общим и частным. Еще же оно включает и единомыслие каждого отдельно взятого человека с самим собой; ибо тот, кто управляется единым помышлением и единым мнением, согласен сам с собой, а тот, кто в разномыслии сам с собой и помышляет несогласное, сам с собой в раздоре. И тот, кто всегда придерживается одного и того же мнения, полон единомыслия, а человек непостоянный в рассуждениях и увлекаемый то одним, то другим мнением, переменчив и сам с собой враждует (Antiph. fr. 44a DK).

В данных рассуждениях обращает на себя внимание указание на важность законов для достижения согласия в полисе. Да и общий дух пассажа — вполне солоновский, с упором на необходимость единения, единомыслия, постоянства граждан, да и каждого гражданина внутри себя, с проводящейся связью между

¹⁶ Carawan 2013.

¹⁷ Антифонт лишь единожды упоминается в его статье, да и то мимоходом (Tell 2015, 14).

¹⁸ Gagarin 2002.

¹⁹ В греческом существительном ὁμόνοια, 'согласие' присутствует во второй части корень слова νοῦς, 'ум'.

процессами в человеческом обществе и феноменами природы (аналогичный ход мысли присутствует у Солона в целом ряде фрагментов²⁰, например: Sol. fr. 1 Diehl; fr. 10 Diehl; fr. 11 Diehl). Или вот еще:

Из Антифонта. Благоразумнее тот, кто, идя на ближнего с намерением причинить ему зло, боится, как бы то, что он хочет сделать, если он ошибется, не привело его к тому, чего он не хочет. Ибо пока он боится, медлит; а пока медлит, часто протекающее время отвращает ум от этих желаний. Произошло бы то, что не позволено, а коль скоро человек медлит – то возможно, что и не произойдет. Тот же, кто собирается сделать ближним зло и не пострадать, не благоразумен. Надежды же не везде благо: ибо многих такие надежды довели до непоправимых несчастий, и получилось так, что они сами претерпели то, что хотели сделать ближним. Благоразумие же другого мужа никто не может оценить вернее, чем тот, кто сам отгораживает себя от мгновенных радостей души и смог одолеть и побеждать сам себя. Кто же хочет угодить душе тотчас, хочет худшего вместо лучшего (Antiph. fr. 58 DK).

Здесь, на наш взгляд, совершенно очевидна переключка с некоторыми идеями из речи Солона перед Крезом у Геродота. А как раз в этой речи галикарнасский историк наиболее адекватно (лишь с минимальным собственным вмешательством) передает солоновские взгляды²¹.

Из Антифонта. Воспитание, считаю я, – первое из того, что есть в людях: ибо, когда правильно сделают начало хоть какого-нибудь дела, вероятно, что и конец будет правильным. Ведь и какое посеют в землю семя, такие и всходы следует ожидать. И, когда посеют в юное тело благородное воспитание, тело живет и цветет на протяжении всей жизни, и ни дождь, ни засуха этого не отнимут (Antiph. fr. 60 DK).

Здесь никак невозможно не вспомнить, что уже в классическую эпоху Солона считали основателем афинской системы воспитания и образования (Aeschin. I. 9–12).

Из Антифонта. Жизнь подобна однодневной страже, а длина жизни – одному дню, так сказать, в который мы, взглянув на свет, уступаем место другим, следующим за нами (Antiph. fr. 50 DK).

Несомненная переключка с мыслями Солона о бренности, ненадежности человеческого существования.

Вообще говоря, «Антифонт и Солон» – богатая тема. Мы некоторое время назад посвятили ей статью, которая все еще не вышла в свет²², и здесь ни в коей мере не собираемся ее пересказывать (разве что сошлемся ниже на полученные в ней результаты). Однако отметим следующее. Выше уже упоминалось, что в сохранившихся произведениях Антифонта прямых упоминаний о законах Солона, равно как и о самом Солоне, нет. Но не следует ли в таком случае искать косвенных? Тем самым мы пойдем в русле набирающей ныне силу тенденции (о ней упоминалось выше, и она нашла особенно полное воплощение в ряде глав коллективной монографии “Solon in the Making”).

Отсутствие имени Солона в произведениях Антифонта, по большому счету, мало о чем говорит. В них мы ведь и имени Драконта тоже не встретим. Но кто решится утверждать, что Антифонт не знал законов Драконта об убийстве? Это вошло бы в самое решительное противоречие с действительностью. Во всех шести текстах, составляющих *Corpus Antiphonteu*m (как в судебных речах, так и в «Тетралогиях»), рассматриваются юридические казусы, связанные именно

²⁰ См. в данной связи: Gentili 1975; Blaise 2011.

²¹ Chiasson 1986; Shapiro 1996.

²² Surikov 2015.

с различными убийствами. И совершенно справедливо именно эти тексты признаются едва ли не самыми важными и ценными нарративными источниками по драконтовскому законодательству²³. Неоднократно апеллируя к законам об убийстве, изданным Драконтом, Антифонт ни разу не упоминает самого Драконта. Не обстоит ли у него дела аналогичным образом и с Солоном?

Необходимо акцентировать внимание еще вот на каком обстоятельстве. Если удастся-таки обнаружить, что в речах Антифонта так или иначе отразилось солоновское законодательство, то это будет иметь чрезвычайно большое значение в источниковедческом плане. Почему? Попытаемся объяснить, чем в этом отношении Антифонт принципиально отличается от других писателей, работавших в том же, что и он, жанре, — то есть писавших речи.

Начнем с вещей достаточно тривиальных. Все согласятся, что для изучения афинского права, законов Афин весьма важна информация, содержащаяся в судебных речах аттических ораторов. Разумеется, есть и иные источники (как «Афинская политика» Аристотеля, позднеантичные лексикографы, некоторые эпиграфические памятники), но ораторов мы все-таки с безусловностью поставили бы здесь на первое место. Ведь они, готовя (для себя ли, для других ли) тексты выступлений на процессах в гелизе и других судилищах, должны были активно изучать действующее законодательство — причем не из абстрактного интереса, как тот же Стагирит, а ради насущных практических потребностей²⁴. Они, несомненно, работали с правовыми документами. Соответственно, в судебных речах достаточно часто цитируются законы, а еще чаще — не цитируются, а пересказываются.

Мы подходим теперь вплотную к вопросу об особом месте Антифонта в плее десяти аттических ораторов. Именно от представителей этого «канона десяти»²⁵ до наших дней дошли памятники красноречия, в том числе от каждого из них — и судебные речи. Антифонт — не просто самый старший, самый ранний в «десятке»; еще более важно для нас то, что он — единственный из ее состава, кто писал заведомо ранее последнего десятилетия V в. до н.э. (как известно, он был казнен в 411 г. до н.э.), т.е. до внесения изменений в законы, осуществленного в этот период.

Только он один из упоминавшихся X *oratores* жил и работал над своими произведениями тогда, когда еще действовали *подлинные* законы Солона, не искаженные усилиями более поздних реформаторов. Строго говоря, одна оговорка здесь все-таки необходима. Лисий, работавший на рубеже V–IV вв. до н.э., несомненно, имел еще доступ к древним солоновским аксонам с их архаичной терминологией. Тому свидетельством — его X речь. Но все-таки и Лисий обращал внимание в первую очередь на законодательство *действующее*, поскольку именно его нужно было знать для участия в судебных процессах. В норме логографу, в общем-то, не требовалось изучать законы, уже утратившие силу.

Как бы то ни было, Антифонт в данном отношении требует особого к себе внимания, поскольку у него, как ясно из вышесказанного, мы в принципе не сможем встретить «псевдо-солоновских» законов, а только аутентично солоновские. Этот оратор, который, помимо прочего, был, похоже, первым

²³ См. хотя бы, Carawan 1998, 171 ff. Большая часть этой объемной книги, посвященной законам Драконта, построена на анализе речей Антифонта.

²⁴ Ср. иную точку зрения в Rhodes 1993.

²⁵ О нем подробнее см. Worthington 1994.

квалифицированным юристом в истории Древней Греции²⁶, адекватно отразил в своих сочинениях то состояние аттического права, которое было сформировано Солоном (и, конечно, Драконтом, но в рамках данной статьи нас интересует все-таки Солон).

Какие же критерии могут быть использованы при попытке отыскания в речах Антифонта информации о солоновских законах? В Афинах времен Антифонта актуальным законодательством²⁷ являлись законы Солона и законы Драконта. Последние, как мы знаем, относились к делам об убийствах, первые — ко всему остальному. Периодически в историографии высказывается мнение, что и в правовые нормы, связанные с процессами об убийствах, Солон тоже внес свой вклад²⁸. Иными словами, он-де как-то изменял драконтовские законы.

Автор этих строк принадлежит к противникам данной точки зрения; но здесь даже не имеет смысла углубляться в этот достаточно частный вопрос. Для чистоты анализа и его максимальной строгости лучше просто устранить из рассмотрения законы об убийстве, которые упоминает Антифонт (а он делает это нередко — ведь все его сохранившиеся речи посвящены этой тематике), и обратить внимание на те места, где наш автор говорит о законах какого-то иного содержания. Таковые будут заведомо солоновскими, пусть даже напрямую у оратора об этом и не сказано.

Конкретный анализ соответствующих мест, содержащихся в V и VI речах Антифонта, был нами проделан²⁹, и вывод оказался совершенно однозначным: в антифонтонских сочинениях содержатся новые, ранее не принимавшиеся во внимание данные о солоновском законодательстве. Блистательное знание Антифонтом афинского права распространялось не только на законы Драконта об убийстве, но и на законы Солона, регламентировавшие остальные стороны жизни полиса и граждан. Антифонт, будучи видным представителем софистического движения, вообще много размышлял о категории закона³⁰; ясно, что он не мог не интересоваться конкретными законами — особенно теми, которые являлись действующими в его государстве.

В контексте софистического движения второй половины V в. до н.э., бесспорно, должен быть рассматриваем и Сократ³¹. Совсем недавно появилась довольно большая статья, озаглавленная «Солоновское наследие у Сократа»³², но она нас откровенно разочаровала. Автор этой работы — философ (а ведь не раз уже приходилось убеждаться, что на современном этапе исследования по античной философии лучше даются филологам-классикам, нежели лицам с философским базовым образованием, — просто в силу того, что первые лучше знают древние

²⁶ Ср. его (несколько преувеличенно-восторженную, как мы считаем) характеристику как «первого европейского правоведа» (Barta 2010, 49). Во втором томе своего труда Х. Барта обращает на Антифонта еще более пристальное внимание (Barta 2011, 139 ff).

²⁷ Мы различаем понятия νόμοι (законы как таковые) и πολιτεία (конституция, как ныне говорят). В данный момент речь идет только о νόμοι. По вопросу об афинской πολιτεία речи Антифонта не содержат никаких значимых данных.

²⁸ Например, Ruschenbusch 1966, 70 ff.; Carawan 1998, 13 ff.

²⁹ Surikov, 2017.

³⁰ См., хотя бы, Saunders 1977/1978.

³¹ Kerferd 1984, 155.

³² Fain 2015.

языки³³), да к тому же еще и сильно увлекающийся психоаналитической теорией Фрейда. Поэтому ясно, что ничего, кроме весьма сомнительных с научной точки зрения идей, в упомянутой статье, в общем-то, не присутствует³⁴.

Теперь коснемся вот какого нюанса. Правомерна ли постановка вопросов «Солон в лирике V в. до н.э.»³⁵, «Солон в трагедии»³⁶, «Солон в комедии»? Относительно последнего мы сразу должны сказать, что он абсолютно уместен.

Из комедиографов V в. до н.э. упоминания о Солоне и/или его законах сохранились от троих: Кратина, Аристофана, Евполида. Особенно известен фрагмент Кратина (из неизвестной комедии, Cratin. fr. 274 Kock):

Клянусь Солоном и клянусь Драконтом я,
На кирбах коих сушится ячмень теперь³⁷.

У того же автора в комедии «Хироны» знаменитый афинянин говорит от первого лица:

Гласит молва, что я живу на острове,
Развеянный по всей земле Аянтовой.

(Cratin. fr. 228 Kock)

«Остров», «Аянтова (Аяксова) земля» — это, конечно, Саламин, с которым имя Солона оказалось столь славно связано. Драматург исходит, таким образом, из версии о погребении умершего законодателя, о которой Плутарх отзывается так: «Рассказ о том, будто пепел сожженного Солона был рассеян по острову Саламину, по своей нелепости, совершенно невероятен и баснословен. Тем не менее его передают многие авторы, заслуживающие внимания, между прочим, и философ Аристотель» (Plut. Sol. 32; пер. С. И. Соболевского).

Да, действительно, у Стагирита есть такое свидетельство (fr. 392 Rose). Вообще говоря, античные авторы дают весьма разноречивые сведения по вопросу о том, где и как был похоронен Солон³⁸. Кратин и Аристотель, повторим, говорят, что реформатор завещал развеять свой прах над завоеванным им некогда Саламином. По словам Валерия Максима (V. 3. ext. 3), он скончался на Кипре и там же был погребен. Элиан (Var. hist. VIII. 16) сообщает, что Солон был похоронен за государственный счет неподалеку от афинской городской стены. Именно это последнее свидетельство выглядит наиболее правдоподобным.

Что же касается информации о мнимом развеянии солоновского праха над Саламином, то она, несмотря на авторитет самого Аристотеля, уже Плутарху,

³³ В частности, о том же Сократе, если брать отечественную литературу, у нас писали и философ (Kessidi 1988), и юрист (Nersesyants 1977), и политолог (Zberovskiy 2007), да и «аз, грешный» подвизался на этой стезе (Surikov 2011), но все-таки ничего нет лучше по всей этой проблематике, чем замечательное исследование Ю. А. Шичалина (Shichalin 2000).

³⁴ Ср. аналогичную неудачу, каковой стала «психоаналитическая» книга об Аристофане: Dracoulidès 1967. В ней «на полном серьезе» ведутся рассуждения в духе «в такой-то комедии мы встречаем такие-то образы, потому что в год ее написания Аристофан женился», и т.п. Откуда мы знаем, когда женился Аристофан?

³⁵ Figueira 2015.

³⁶ Noussia-Fantuzzi 2015.

³⁷ В связи с проблематикой солоновских и драконтовских кирб (аксонов) см. монографическое исследование Stroud 1979.

³⁸ Сопоставление традиций по этому сюжету см. Linforth 1919, 308–310; Surikov 2004, 127–128.

как мы видели, казалась нелепой, да и действительно совершенно не соответствует всему, что мы знаем об афинских погребальных обрядах архаической эпохи. Это не более чем красивая легенда, навеянная воспоминаниями о славном деянии Солона — победе в войне за обладание островом³⁹.

Считается также, что еще в одной комедии Кратина — «Законы» — просто не могла не идти речь о Солоне. Ведь комедиограф, как совершенно ясно, имел в виду именно свои родные, афинские, а не какие-нибудь другие законы. Афиняне же свое законодательство ассоциировали прежде всего с Солоном. К сожалению, сохранившиеся фрагменты из этой комедии маловыразительны, за исключением, пожалуй, одного (Cratin. fr. 128 Kock), в котором, похоже, пародируется солоновская поэзия⁴⁰. Фрагмент гласит: ὑμῶν εἷς μὲν ἔκαστος ἀλώπηξ δωροδοκεῖται («каждый из вас — продажная лиса»). Трудно не сопоставить эту строку с той, что присутствует в стихах самого Солона (Sol. fr. 8 Diehl), поскольку в ней фигурирует то же самое животное: ὑμῶν δ' εἷς μὲν ἔκαστος ἀλώπεκος ἔχνεσι βαίνει («а каждый из вас ходит лисьей походкой», т.е. проявляет лисьи повадки⁴¹).

Значительные лексические совпадения никак не могут быть случайными, равно как и то, что Кратин здесь пользуется гекзаметром, в целом отнюдь не характерном для жанра древней аттической комедии. Перед нами, несомненно, пародия на стихи Солона, причем ясно демонстрирующая, что в V в. до н.э. солоновскую поэзию в Афинах знали очень хорошо: прозрачная аллюзия, использованная драматургом, должна же была что-то сказать зрителям.

Кратин начал свою сценическую карьеру в 450-х годах до н.э. (первую победу на Великих Дионисиях одержал в 453 г.) и продолжал ее до 420-х, когда он как-то, уже будучи старцем, даже одержал победу над молодым Аристофаном. Увы, фрагменты Кратина, имеющие отношение к Солону, внутри длительной театральной карьеры комедиографа датированы быть не могут.

Напротив того, драмы Аристофана в большинстве своем поддаются достаточно точной датировке. Так, «Облака» были поставлены в 423 г. до н.э.; правда, автор, не удовлетворенный этим своим произведением, потом его перерабатывал (в 410-х годах до н.э.), но, строго говоря, мы не знаем ни того, был ли закончен и предложен со сцены публике новый вариант (а если был — то когда), ни даже того, какая редакция «Облаков» сохранилась — первая или вторая (чаще считают, что вторая)⁴². Об этом памятнике мы заговорили потому, что в нем упоминается Солон. У Стрepsiада и Фидиппида речь в разговоре заходит

³⁹ Ф. Буррио считает достоверной версию о том, что прах Солона был развеян над Саламином, но сколько-нибудь убедительных доказательств в пользу этого не приводит (Bourriot 1976, 1014–1015). Относительно недавно один малоизвестный антиковед, опираясь на данную, не отличающуюся достоверностью, традицию, сделал совершенно абсурдный вывод: Солон-де был и по рождению саламинцем, а не афинянином (Bakaoukas 2001). Это решительно противоречит тому, что известно о происхождении Солона.

⁴⁰ Martin 2015, 69–70.

⁴¹ В древнегреческих фольклорных представлениях лиса — воплощение хитрости и даже некоего «практического» ума, но также и трусости. В связи с образом лисы у Солона см. Gottesman 1998; в целом об образе лисы в архаической лирике см. также Hawkins 2008.

⁴² См. к этому вопросу O'Regan 1992, 133 ff.

о солоновском календарном законодательстве (Aristoph. Nub. 1178 sqq.), и по ходу диалога Фидиппид, в частности, восклицает:

Старик Солон любил народ поистине
(ὁ Σόλων ὁ παλαιὸς ἦν φιλόδημος τῆν φύσιν)...
Определил для жалоб двое суток он:
День старый, а за ним день молодой, чтоб суд
На новолунье начал разбирательство.

Здесь, конечно, как всегда у Аристофана, юмористическая, шутовская трактовка – в данном случае принятого в Афинах названия последнего дня месяца ἔνη καὶ νέα (в русских переводах обычно передается как «молодой и старый день»). Для нас, однако, важнее то, что уже комедиограф V в. до н.э. называет Солона «народолюбивым» (φιλόδημος). И пусть он делает это, так сказать, в пародийном ключе. Если есть пародия, то, стало быть, заведомо есть и то, что пародируется. Иными словами, уже в период Пелопоннесской войны в Афинах существовал дискурс, делавший Солона в некотором роде протодемократом (вопреки мнению Э. Рушенбуша⁴³ и его последователей, полагающих, что эта идея возникает только ближе к середине IV в. до н.э.).

Далее, аристофановские «Птицы» были поставлены в 414 г. до н.э. В них тоже есть упоминание законодательства Солона, и также, естественно, в комическом контексте. Идет война птиц, возглавляемых Писфетером, с богами, и последние отправляют посольство для ведения мирных переговоров. В числе послов – Геракл, изображенный, по обыкновению комедиографов, туповатым обжорой. В какой-то момент Писфетер разъясняет тому, что он, хоть и сын Зевса, не унаследует власть над миром, когда родитель скончается (над этим уморительным предположением, надо думать, немало хохотали зрители), поскольку является незаконнорожденным (νόθος). И в доказательство ссылается именно на афинский, солоновский закон (Aristoph. Av. 1660 sqq.):

Послушай уложение Солоново
(Ἐρῶ δὲ δῆ καὶ τὸν Σόλωνός σοι νόμον):

«Незаконнорожденному не иметь права наследства по родству при наличии законнорожденных детей. Если же законнорожденных детей нет, имущество переходит к ближайшим родственникам».

Как видим, в канву комедии, написанной стихами, вторгается вдруг прозаический текст: зачитывается закон. Это тоже, безусловно, должно было производить комический эффект, напоминая судопроизводство в афинских дикастериях, когда каждый участник процесса, выступая, периодически просил служителя остановить воду в клепсидре, а секретаря – прочесть закон (или свідетельские показания).

Что же касается самого приведенного здесь закона, он, судя по всему, аутентичен. Известно, что в классических Афинах относительно наследования имела место именно такая юридическая практика: при отсутствии у умершего законных детей его наследниками становились ближайшие родственники, а незаконнорожденные сыновья ни в коем случае не могли наследовать. Правда, эта норма действовала только в том случае, если наследодатель не оставлял завещания (завещания были введены как раз Солоном⁴⁴), а если оставлял – то завещать наследство он мог, естественно, и незаконнорожденному. Оговорим,

⁴³ Ruschenbusch 1958, 399 ff.

⁴⁴ Ruschenbusch 1962; Cataudella 1972; Humphreys 2002.

впрочем, что в солоновском своде само право написать завещание имел только гражданин, не имеющий законных детей. В любом случае, комизм обыгрываемой Аристофаном ситуации заключается, видимо, в том, что Зевс, естественно, ни при каких обстоятельствах составлять завещание не будет и, значит, Геракл останется «с носом».

Известно также, что Солон упоминался еще Евполидом, современником Аристофана, в комедии «Демы». Сюжет этой пьесы заключался в том, что автор «воскрешал из мертвых» некоторых выдающихся деятелей прошлого, в том числе и интересующего нас мудреца-законодателя. В одном из фрагментов «Демов», обнаруженных на папирусе, сохранилось имя Солона (Eupol. fr. 92 Austin), но, к сожалению, в малоинформативном контексте⁴⁵.

Но как же быть с Солоном в связи с лирикой и трагедией V в. до н.э.? Его имя ни разу ни упоминается в стихах лирических поэтов, творивших в этом столетии, – Пиндара, Вакхилида, позднего Симонида⁴⁶, а также и в «Феогнидовом корпусе» (о последнем говорим не случайно, поскольку в нем заведомо есть элегии, написанные в V в. до н.э.⁴⁷); равным образом не упоминается оно и у Эсхила, Софокла, Еврипида.

Так перспективен ли поиск в этом направлении? Как ни парадоксально – в определенной мере да. Именно так считают Т. Фигейра и М. Нуссия-Фантуцци⁴⁸, хотя, на наш взгляд, они в известной мере увлекаются. Автору этих строк хотелось бы быть более осторожным и охладить энтузиазм только что упомянутых исследователей несколькими оговорками. Во-первых, речь не может идти о текстах лириков или трагедиографов V в. до н.э. как источниках в какой бы

⁴⁵ Р. Мартин пытается «выжать» из этого фрагмента все, что только можно, в частности, высказывает предположение, что у Евполида мертвые являлись из аида парами: Мильтиад с Периклом, Солон с Аристидом (Martin 2015, 67 f.). Все это спорно и в любом случае мало что дает. Отметим заодно, что более обильные и более пространные отрывки, в которых говорится о Солоне, появляются у комедиографов IV в. до н.э. («Братья» Филемона, «Лебет» и «Эзоп» Алексиды, «Игроки в кости» Евбулы), но этот материал уже выходит за хронологические рамки нашей статьи.

⁴⁶ Поздний Симонид (т.е. тот этап его творчества, который относится ко времени после 480 г. до н.э.), сравнительно недавно оказался фактически по-настоящему открыт благодаря публикациям папирусов. О его новых фрагментах (они оказались, без преувеличения, сенсационными) сразу начали активно писать; дабы не перегружать аппарат статьи, сошлемся здесь только на коллективную работу Voedeker, Sider 2001.

⁴⁷ Между стихами Солона и стихами «Феогнидова корпуса» есть несколько случаев очень близких совпадений, но в этот вопрос мы здесь не вдаемся по двум причинам: он напрямую не относится к теме данной статьи (у нас-то речь идет об упоминаниях Солона в памятниках V в. до н.э.), а кроме того, нет такого оракула, который провозгласил бы, какие из приписанных Феогниду элегий были созданы его подражателями именно в V в. до н.э. Были попытки (и относительно недавние) по модели «составного Феогнида» поступить и с Солоном, провозгласив его стихи памятником поэзии классического времени (более робко – Lardinois 2006; более смело – Stehle 2006), но, к счастью, они не вызвали энтузиазма в среде коллег.

⁴⁸ Именно эта исследовательница, следует отметить, ныне занимается проблемами, связанными с Солоном (особенно с его поэзией), наиболее скрупулезно. См. принятое ею издание сохранившихся стихов Солона с подробнейшим комментарием: Noussia-Fantuzzi 2010. На фоне этого труда даже как-то несколько отодвигаются на второй план такие известные монографии, как Anhalt 1993; Mülke 2002; Almeida 2003; Irwin 2005; Lewis 2008.

то ни было связи с Солоном. Нет прямого упоминания его имени – нет и свидетельства источника. Есть другое: влияние солоновских стихов на знакомых с ними поэтов. Но это влияние и раньше ведь отмечалось⁴⁹. Во-вторых, сходство идей и даже лексики не всегда должно напрямую о чем-то говорить. Вполне допустимы ведь и случайные совпадения. В сущности, тематика древнегреческой лирики являлась ведь вполне определенной, предполагавшей, так сказать, постоянное «прокручивание» некоторого набора базовых топосов⁵⁰, – так что же удивительного, если они будут встречаться у самых разных авторов, работавших на данном поприще?

Да и степень корреляции не следует преувеличивать. Так, у Т. Фигейры указано, что, хотя в Афинах V в. до н.э. стихи Солона учили даже школьники, крупнейшие лирики этой эпохи – Пиндар и Вакхилид – не были ведь афинянами, поэтому ничто не предполагает хорошее знание ими солоновской поэзии⁵¹. Тот же исследователь справедливо отмечает⁵², что в сохранившихся солоновских фрагментах вообще не фигурирует лексема φθῶνος (зависть)⁵³, столь частая у того же Пиндара⁵⁴.

А как с трагедографами (хоровые партии в их драмах, как известно, напрямую восходят к лирической поэзии)? М. Нуссия-Фантуцци опять же честно признается: «сверка Эсхила с Солоном редко дает прямые дословные переклички»⁵⁵. На самом деле «редко» – скорее эвфемизм, а следовало бы сказать «практически никогда». Не иначе по сравнению с Эсхилом обстоят в данном отношении дела и с Софоклом, Еврипидом.

Означает ли все сказанное, что любая попытка найти какое-то соответствие между стихами Солона и стихами поэтов V в. до н.э. обречена на неудачу? Полагаем, все-таки нет. Очень даже возможно сопоставление по отдельным концептуальным лексемам.

Специальному рассмотрению вопроса, являются ли весьма часто встречающиеся в литературе архаической эпохи (прежде всего в той же лирике) термины ἀγαθῶν и κακοῖν действительно чисто социальными по своей окраске, как гласит преобладающая точка зрения, или все-таки преимущественно этическими, мы посвятили статью⁵⁶, в которой анализировали как раз преимущественно стихи

⁴⁹ О влиянии Солона на Пиндара см. Newman 1982, на Эсхила – Ameduri 1970–1971; Pötscher 1987; на Феогида и Эсхила – Dovatur 1989, 102–113; на Ксенофана Колофонского – Lumpe 1955. Равным образом отмечалось и влияние на Солона со стороны более ранних лириков: Ариона (Kolleritsch 1968), Архилоха (Gundert 1942), Стесихора (Maltomini 1983), а в конечном счете – со стороны эпоса (Nestle 1942; Blaise 2006).

⁵⁰ См. в связи с этим важную опубликованную посмертно работу выдающейся отечественной исследовательницы Freidenberg 2007.

⁵¹ Figueira 2015, 28.

⁵² Figueira 2015, 35.

⁵³ Категория зависти в древнегреческом сознании (включая известное понятие о «зависти богов», а также применение этой этической категории к правовой сфере) была довольно детально изучена в давней работе Ranulf 1934.

⁵⁴ Даже та одна-единственная ода Пиндара, которой автору этих строк на данный момент довелось специально заниматься (в связи с проблемами афинского остракизма, см. Surikov 2006, 21, 487–488), «Седьмая Пифийская» – и она, несмотря на свою краткость, содержит упоминание о зависти.

⁵⁵ Noussia-Fantuzzi 2015, 65.

⁵⁶ Surikov 2014. Эта статья была опубликована не «на страницах ВДИ», как мы обещали ранее (см. Surikov 2013, 27–28, прим. 27).

Солона (представилось уместным взять какого-нибудь одного писателя в качестве, так сказать, case-study), проследили все случаи, — а их несколько десятков, — когда он употребляет лексемы ἀγαθός, какός, их формы, производные от них слова, их синонимы. И среди таких употреблений удалось выявить самое большое три, относительно которых можно допустить некоторую вероятность социологической трактовки (Sol. fr. 1. 33 Diehl; fr. 4. 9–12 Diehl; fr. 25. 4–5 Diehl)⁵⁷. Подчеркнем — именно только допустить некоторую вероятность, не более того (ни одно из этих мест не дает материала для абсолютно однозначных, категоричных суждений). Во всех же остальных случаях социологическая трактовка, скажем без преувеличения, исключена. Безусловно господствующей должна быть признана трактовка этическая. Разумеется, нужно иметь в виду, что солоновский этос — типично аристократический этос⁵⁸ с соответствующей системой ценностей.

А лирическая поэзия эллинов (по крайней мере, если говорить о доэллинистическом времени) и в целом была глубоко аристократична. В последнее время в литературе все чаще делается акцент на том, что памятники этой поэзии рождались преимущественно именно в связи с симпозиумами, а подчас и прямо на этих пирах, являвшихся одним из неотъемлемых элементов образа жизни знати. Тему симпозиума в стихах Солона наиболее детально освещала в своих работах М. Нуссия-Фантуцци, посвятившая данному вопросу специальную статью⁵⁹, а в дальнейшем в пространнейшем комментарии к солоновским фрагментам настойчиво отстаивавшая идею о том, что все или почти все они должны быть трактуемы именно в симпозиальном контексте. Исследовательница констатирует: «У нас нет никаких свидетельств о декламации элегической поэзии в публичном пространстве, а не в более привычной для нее обстановке — на симпозиуме»⁶⁰. Другие авторы также отмечали⁶¹, что для Солона среда коммуникации — это в первую очередь среда симпозиума.

Вернемся к терминам ἀγαθός и какός. Последнему из них недавно было посвящено коллективное исследование, хронологические рамки которого практически не включают, к сожалению, тексты архаической эпохи. Однако одна статья в нем все-таки посвящена Пиндару⁶² — лирику, который хотя в чисто хронологическом плане и относится уже к греческой классике, но по духу еще всецело проникнут аристократичностью, характерной для архаики⁶³. Впрочем, К. Морган, написавшая эту статью, не сделала в ней каких-то наблюдений относительно совпадения или несовпадения идей Солона и Пиндара в связи с данной

⁵⁷ Нас порой упрекают: почему мы, ссылаясь на стихи Солона, даем нумерацию фрагментов по изданию Э. Диля, а не по более новому и, в общем-то, более авторитетному изданию М. Уэста? Ответ прост: применительно конкретно к Солону порядок расположения фрагментов, принятый Дилем, представляется нам безусловно предпочтительным. В любом случае, публикуя наш перевод стихов Солона (Solon 2014), мы при любом фрагменте приводили номер как по Дилю, так и по Уэсту. См. также конкорданс: Noussia-Fantuzzi 2010, XI–XII.

⁵⁸ В общем виде о нем см., например, работу одного из классиков науки об античности: Starr 1992. Применительно конкретно к Солону: Stinton 1976; Melissano 1994; Foxhall 1997; Mitchell 1997.

⁵⁹ Noussia 2001.

⁶⁰ Noussia-Fantuzzi 2010, 204.

⁶¹ Например, Tedeschi 1982.

⁶² Morgan 2008.

⁶³ См., хотя бы, Hornblower 2006; Carey 2007; Tumans 2015, 216 ff.

тематикой. Равным образом мы не находим таковых наблюдений (во всяком случае, если говорить о сделанных всерьез, а не мимоходом⁶⁴) в указанных выше новых работах Т. Фигейры и М. Нуссиа-Фантуцци.

Пожалуй, убедительный вид имеет лишь следующее сопоставление⁶⁵. У Пиндара во второй Пифийской оде есть вот какой пассаж (Pind. Pyth. II. 81 sqq.):

Невмочь коварному (δόλιον)
Вбросить сильное слово меж добрых (ἀγαθοῖς) мужей, –
Но, вилая, они захлестывают.
Я не дольщик бесстыдства!
Другом другу хочу я быть
И врагом врагу,
Как волк (λύκοιο δίκαν), его застигая обходами здесь и там.

Здесь сразу бросается в глаза образ волка, причем, похоже, волка-одиночки; собственно, и заметен-то он своей явной родственностью тому, который появляется ранее у Солона (Sol. fr. 24. 26–27 Diehl):

И потому, от всех обороняясь, я
Вертеться стал, как средь собачьей стаи волк (λύκος).

Именно у Солона-то, у этого «благостного посредника-примирителя», образ озлобленного волка поражает какой-то явной неожиданностью⁶⁶. В нашем понимании волк уж никак не ἀγαθός, т.е. он не вызывает позитивных реминисценций. Впрочем, в античных греческих представлениях на волков, видимо, смотрели несколько иначе. В «Истории животных» Аристотеля неоднократно указывается на черты сходства между львом и волком. Эту тематику мы планируем осветить в отдельной статье, поэтому здесь только укажем, что для Стагирита лев характеризуется эпитетом εὐγενής, а волк – эпитетом γυνναῖος, что, по большому счету, не так уж далеко друг от друга (примерно как наши слова «благородный» и «родовитый»). Недавние размышления Х. Туманса об образах этих двух животных⁶⁷ характеризуются неким снижением образа волка, и это, несомненно, обусловлено тем, что автор апеллирует к гомеровским сравнениям, в которых волк выступает всегда как зверь стайный. Но на самом деле он далеко не всегда таков в греческих

⁶⁴ Например, вполне банально замечание (Figueira 2015, 29), что в одном из тех мест, где у Солона и в *Corpus Theognideum* налицо почти полное совпадение целых стихов, все-таки имеются некоторые расхождения (они-то, как считается, и характерны) – у Феогнида появляется выражение *κακῶι... ἀνθρώποι* там, где у Солона просто *ἀνθρώποις* (ср. Sol. fr. 5. 9–10 Diehl и Theogn. 153–154). Фигейра, конечно, тут же замечает: «Здесь налицо характерная озабоченность Феогнида разрушением границ элиты и социальной мобильностью». Однако, во-первых, совершенно не доказано (хотя часто постулировалось), что у Феогнида *ἀγαθός* – всегда аристократ, а *κακός* – простолюдин; более того, в его сборнике есть примеры, вопиюще противоречащие такой трактовке (некоторые из них см. Surikov 2014). Во-вторых, «феогнидовский» материал вообще не показателен при рассмотрении любого вопроса, подразумевающего диахронный анализ, поскольку весьма многие «Феогнидовы» строки (в том числе и те, о которых идет речь сейчас) могут относиться чуть ли не к какому угодно времени. Они могут, теоретически говоря, быть даже более ранними, чем сопоставляемый с ними фрагмент Солона (Феогнид Мегарский как таковой жил и писал в первой, а не во второй половине VI в. до н.э.), а могут относиться и к поздней классике.

⁶⁵ Figueira 2015, 41.

⁶⁶ Vox 1983, 313; Stehle 2006, 93–94; Sagstetter 2013, 133 ff.

⁶⁷ Tumans 2011.

представлениях⁶⁸; данный образ значительно сложнее (вот только что мы и у Солона, и у Пиндара встретили волка-одиночку).

Как бы то ни было, в каком-то подобном направлении, видимо, и должен осуществляться дальнейший поиск, если мы хотим обнаружить какие-то данные по проблеме о том, как Солон воспринимали в V в. до н.э. Поскольку крайне немногочисленные прямые данные давно уже исчерпаны анализом, неизбежно приходится обращаться к косвенным. В данной статье сделаны, пожалуй, только какие-то первые наброски к поискам таковых, но все равно она разрослась до порядочного размера. Завершая ее и подводя итоги (которые пока могут быть, естественно, только предварительными), отметим, пожалуй, следующее.

Безусловно, проблемой является полное отсутствие упоминаний о Солоне у Фукидида (особенно бросающееся в глаза по контрасту с трудом Геродота), притом что историк Пелопоннесской войны, конечно же, знал о знаменитом законодателе и реформаторе, преобразившем тот полис, в котором он сам родился, воспитывался и начал свою карьеру. Традиционный ответ на этот вопрос⁶⁹ – «Фукидида интересовала внешняя, а не внутренняя политика» (потому-то у него и Клисфен также отсутствует), но этот ответ в любом случае неполный. Ответить на вопрос, почему Фукидид не упоминает Солон, будет возможно, думается нам, когда (или если) будет решен вопрос, почему Солон не упоминает Антифонт. Относительно же знания этим последним солоновского законодательства сомневаться просто не приходится.

Далее, более чем естественными выглядят пассажи комедиографов V в. до н.э. о Солоне, очень интересные, хотя и немногочисленные (впрочем, не подлежит никакому сомнению, что они были бы на порядок более многочисленными, если бы от памятников древней аттической комедии до нас дошли не только жалкие крохи, а полные произведения каких-нибудь других авторов, помимо Аристофана). Поэты же трагического жанра, а также те лирики, которые еще существовали в V в. до н.э., упоминать Солон напрямую, конечно, вряд ли могли, а вот поиск у них солоновских реминисценций – задача перспективная, хотя и не очень благодарная, в том плане, что она не сулит даже при самых больших затраченных усилиях принести безусловные и неоспоримые результаты.

Литература / References

- Almeida, J.A. 2003: *Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology*. Leiden.
- Ameduri, O. 1970–1971: *L'Eunomia di Solone e le Eumenidi di Eschilo*. *Annali della facoltà di lettere e filosofia dell'Università di Napoli* 1, 31–46.
- Anhalt, E.K. 1993: *Solon the Singer: Politics and Poetics*. Lanham.
- Badian, E. 1993: *From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia*. Baltimore–London.
- Bakaoukas, M. 2001: Solon's Forgotten Genealogy. *Electronic Antiquity: Communicating the Classics* 6, 1 (<http://scholar.lib.vt.edu/ejournals/EIAnt/V6N1/bakaoukas.html>).
- Barta, H. 2010: *"Graeca non leguntur"? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland*. Bd I. Wiesbaden.
- Barta, H. 2011: *"Graeca non leguntur"? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland*. Bd II. *Archaische Grundlagen*. Teil I. Wiesbaden.

⁶⁸ Detienne, Vernant 1989, 148 ff.; Buxton 1990; Hawkins 2008.

⁶⁹ Проходящий красной нитью, например, на всем протяжении известной книги Badian, 1993. Ср. также Will 2003.

- Blaise, F. 2006: Poetics and Politics: Tradition Re-worked in Solon's 'Eunomia' (Poem 4). In: J. H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden–Boston, 114–133.
- Blaise, F. 2011: La mer juste: Solon, 12 W. *Revue des études grecques* 124, 535–547.
- Boedeker, D., Sider, D. (eds) 2001: *The New Simonides: Contexts of Praise and Desire*. Oxford.
- Bourriot, F. 1976: *Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Périodes archaïque et classique*. Lille–Paris.
- Buxton, R. 1990: Wolves and Werewolves in Greek Thought. In: J. Bremmer (ed.), *Interpretations of Greek Mythology*. London, 60–79.
- Carawan, E. 1998: *Rhetoric and the Law of Draco*. Oxford.
- Carawan, E. 2013: *The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law*. Oxford.
- Carey, C. 2007: Pindar, Place, and Performance. In: S. Hornblower, C. Morgan (eds), *Pindar's Poetry, Patrons, and Festivals: From Archaic Greece to the Roman Empire*. Oxford, 199–210.
- Carey, C. 2015: Solon in the Orators. In: G. Nagy, M. Noussia-Fantuzzi (eds), *Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries*. Berlin–Boston, 110–128.
- Cataudella, M. 1972: Intorno alla legge di Solone sul testamento. *Iura* 23, 1, 50–66.
- Chambers, M. 1993: Aristotle and his Use of Sources. In: M. Piérart (ed.), *Aristote et Athènes*. Paris, 39–52.
- Chiasson, C.C. 1986: The Herodotean Solon. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 27, 3, 249–262.
- Chiasson, C.C. 2016: Solon's Poetry and Herodotean Historiography. *American Journal of Philology* 137, 1, 25–60.
- Danzig, G. 2014: The Use and Abuse of Critias: Conflicting Portraits in Plato and Xenophon. *Classical Quarterly* 64, 2, 507–524.
- David, E. 1984: Solon, Neutrality and Partisan Literature of Late Fifth-Century Athens. *Museum Helveticum* 41, 3, 129–138.
- Defradas, J. 1954: *Les thèmes de la propagande delphique*. Paris.
- Detienne, M., Vernant, J.-P. 1989: *The Cuisine of Sacrifice among the Greeks*. Chicago.
- Dovatur, A.I. 1989: *Feognid i ego vremya [Théognis et son époque]*. Leningrad.
- Доватур А. И. *Феогнид и его время*. Л.
- Dracoulidès, N.N. 1967: *Psychanalyse d'Aristophane, de sa vie et des ses œuvres*. Paris.
- Edwards, M. 2007: Alcidas. In: I. Worthington (ed.), *A Companion to Greek Rhetoric*. Oxford, 47–57.
- Fain L. 2015: The Solonian Legacy in Socrates. *Helios* 42, 2, 209–243.
- Figueira, T.J. 2015: Solon in Fifth-Century Lyric. In: G. Nagy, M. Noussia-Fantuzzi (eds), *Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries*. Berlin–Boston, 24–42.
- Flores, S.O. 2013: *The Roles of Solon in Plato's Dialogues*. Diss. The Ohio State Univ.
- Foxhall, L. 1997: A View from the Top: Evaluating the Solonian Property Classes. In: L. G. Mitchell, P.J. Rhodes (eds), *The Development of the Polis in Archaic Greece*. London–New York, 61–74.
- Freidenberg, O.M. 2007: [The origin of Greek Lyric]. In: I. G. Matyushina, S. Yu. Neklyudov (eds), *Lirika: genezis i evolyutsiya [Lyric: genesis and evolution]*. Moscow, 396–413.
- Фрейденберг, О. М. Происхождение греческой лирики. В сб.: И. Г. Матюшина, С. Ю. Неклюдов (ред.), *Лирика: генезис и эволюция*. М., 396–413.
- Frost, F.J. 1971: Themistokles and Mnesiphilus. *Historia* 20, 1, 20–25.
- Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
- Gehrke, H.-J. 2006: The Figure of Solon in the *Athênaiôn Politeia*. In: J. H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden–Boston, 276–289.
- Gentili, B. 1975: La giustizia del mare: Solone fr. 11 D., 12 West. *Semiotica del concetto di dike in greco arcaico. Quaderni urbinati di cultura classica* 20, 159–162.
- Gottesman, A. 1998: Solon's Fox: Poetry and Revolution in Archaic Athens. *Pomoerium* 3, 19–25.
- Gundert, H. 1942: Archilochos und Solon. In: H. Berve (Hrsg.), *Das neue Bild der Antike*. Bd 1. Leipzig, 130–152.
- Guthrie, W.K.C. 1977: *The Sophists*. Cambridge.
- Hansen, M.H. 1989: Solonian Democracy in Fourth-Century Athens. *Classica et mediaevalia* 40, 71–99.
- Harding, P. 1977: Atthis and Politeia. *Historia* 26, 2, 148–160.
- Hawkins, T. 2008: Out-Foxing the Wolf-Walker: Lycambes as Performative Rival to Archilochus. *Classical Antiquity* 27, 1, 93–114.
- Hollmann, A. 2015: Solon in Herodotus. In: G. Nagy, M. Noussia-Fantuzzi (eds), *Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries*. Berlin–Boston, 85–109.
- Hornblower, S. 2006: Pindar and Kingship Theory. In: S. Lewis (ed.), *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 151–163.
- Humphreys, S.C. 2002: Solon on Adoption and Wills. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung* 119, 340–347.
- Irwin, E. 2005: *Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation*. Cambridge.

- Kerferd, G.B. 1984: *The Sophistic Movement*. Cambridge.
- Kolleritsch, H. 1968: Konnte Solon von "Tragödien" Arions sprechen? *Eranos* 66, 1–9.
- Kessidi, F. Kh. 1988: *Sokrat [Socrates]*. Moscow.
Кессиди, Ф.Х. *Сократ*. М.
- Lardinois A.P.M.H. 2006: Have we Solon's Verses? In: J. H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden–Boston, 15–35.
- Leduc, C. 1998: La représentation « aristotélicienne » de la *politeia* de Solon: la politique « dans » le domestique. *Ktema* 23, 415–422.
- Lenardon, R.J. 1978: *The Saga of Themistocles*. London.
- Lewis, J.D. 2008: *Solon the Thinker: Political Thought in Archaic Athens*. London.
- Linforth, I.M. 1919: *Solon the Athenian*. Berkeley.
- Lumpe, A. 1955: Solons Einfluss auf Xenophanes. *Rheinisches Museum für Philologie* 98, 4, 378.
- Maltomini, F. 1983: Eiv in Stesicoro e Solone. *Studi classici e orientali* 33, 336.
- Martin, R.P. 2015: Solon in Comedy. In: G. Nagy, M. Noussia-Fantuzzi (eds), *Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries*. Berlin–Boston, 66–84.
- Melissano, P. 1994: Solone e il mondo degli εσθλοί. *Quaderni urbinati di cultura classica* 47, 2, 49–59.
- Mitchell, L.G. 1997: New Wine in Old Wineskins: Solon, *Arete* and the *Agathos*. In: L. G. Mitchell, P. J. Rhodes (eds), *The Development of the Polis in Archaic Greece*. London–New York, 75–81.
- Morgan, K. 2008: Generic Ethics and the Problem of Badness in Pindar. In: I. Sluiter, R. M. Rosen (eds), *Kakos: Badness and Anti-Value in Classical Antiquity*. Leiden–Boston, 29–57.
- Morgan, K. 2015: Solon in Plato. In: G. Nagy, M. Noussia-Fantuzzi (eds), *Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries*. Berlin–Boston, 129–150.
- Mossé, C. 1979: Comment s'élabore un mythe politique: Solon, « père fondateur » de la démocratie athénienne. *Annales: économies, sociétés, civilisations* 34, 3, 425–437.
- Mühl, M. 1956: Solon gegen Peisistratos. Ein Beitrag zur peripatetischen Geschichtsschreibung. *Rheinisches Museum für Philologie* 99, 4, 315–323.
- Mülke, Chr. 2002: *Solons politische Elegien und Iamben (Fr. 1–13; 32–37 West): Einleitung, Text, Kommentar*. Leipzig.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.
- Nersesyants, V.S. 1977: *Sokrat [Socrates]*. Moscow.
Нерсесянц, В.С. *Сократ*. М.
- Nestle, W. 1942: Odyssee-Interpretationen II. *Hermes* 77, 2, 129–135.
- Newman, J.K. 1982: Pindar, Solon and Jealousy: Political Vocabulary in the Eleventh Pythian. *Illinois Classical Studies* 7, 2, 189–195.
- Noussia, M. 2001: Solon's Symposium (frs. 32–4 and 36 Gentili–Prato² = 38–40 and 41 West²). *Classical Quarterly* 51, 2, 353–359.
- Noussia-Fantuzzi, M. 2010: *Solon the Athenian, the Poetic Fragments*. Leiden–Boston.
- Noussia-Fantuzzi, M. 2015: Solon in Tragedy. In: G. Nagy, M. Noussia-Fantuzzi (eds), *Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries*. Berlin–Boston, 43–65.
- Oliva, P. 1973a: Solon im Wandel der Jahrhunderte. *Eirene* 11, 31–65.
- Oliva, P. 1973b: Solon in der Darstellung der Komödie. *Graecolatina et orientalia*. 5, 25–33.
- O'Regan, D.E. 1992: *Rhetoric, Comedy, and the Violence of Language in Aristophanes' Clouds*. Oxford.
- Pötscher, W. 1987: Zwei wichtige Chorpharten aus dem Agamemnon des Aischylos (1331–1342 und 1560–1566) und Solons Musen-Elegie. *Grazer Beiträge* 14, 55–86.
- Ranulf, S. 1934: *The Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens: A Contribution to the Sociology of Moral Indignation*. Copenhagen.
- Rhodes, P.J. 1993: "Alles eitel Gold"? The Sixth and Fifth Centuries in Fourth-Century Athens. In: M. Piérart (ed.), *Aristote et Athènes*. Paris, 53–64.
- Rhodes, P.J. 2015: Solon in Aristotle's School. In: G. Nagy, M. Noussia-Fantuzzi (eds), *Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries*. Berlin–Boston, 151–160.
- Ruschenbusch, E. 1958: ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. *Historia* 7, 4, 398–424.
- Ruschenbusch, E. 1962: ΔΙΑΤΙΘΕΣΘΑΙ ΤΑ ΕΑΥΤΟΥ. Ein Beitrag zum sogenannten Testamentsgesetz des Solon. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung* 79, 307–311.
- Ruschenbusch, E. 1966: ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden.
- Sagstetter, K.S. 2013: *Solon of Athens: The Man, the Myth, the Tyrant?* Diss. Univ. of Pennsylvania.
- Saunders, T.J. 1977/1978: Antiphon the Sophist on Natural Laws (B44 DK). *Proceedings of the Aristotelian Society* 78, 215–236.
- Shapiro, S.O. 1996: Herodotus and Solon. *Classical Antiquity* 15, 2, 348–364.

- Shichalin, Yu. A. 2000: *Istoriya antichnogo platonizma v institutsional'nom aspekte* [A history of the ancient Platonism in its institutional aspect]. Moscow.
- Шичалин, Ю. А. *История античного платонизма в институциональном аспекте*. М.
- Solmsen, F. 1974: *Two Crucial Decisions in Herodotus*. Amsterdam—London.
- Solon 2014: [Poems (translation from Greek and a commentary by I. E. Surikov)]. *Antiquitas aeterna* 4, 441—458.
- Солон. Стихотворения (перевод с древнегреческого и комментарий И. Е. Сурикова). *Antiquitas aeterna* 4, 441—458.
- Starr, C.G. 1992: *The Aristocratic Temper of Greek Civilization*. Oxford.
- Stehle, E. 2006: Solon's Self-reflexive Political Persona and its Audience. In: J. H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden—Boston, 79—113.
- Stinton, T.C.W. 1976: Solon, Fragment 25. *Journal of Hellenic Studies* 96, 159—163.
- Stroud, R.S. 1979: *The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon*. Berkeley.
- Surikov, I.E. 2004: *Problemy rannego afinskogo zakonodatel'stva* [Problems of early Athenian law-making]. Moscow.
- Суриков, И. Е. *Проблемы раннего афинского законодательства*. М.
- Surikov, I.E. 2006: *Ostrakizm v Afinakh* [Ostracism in Athens]. Moscow.
- Суриков, И. Е. *Остракизм в Афинах*. М.
- Surikov, I.E. 2011: *Sokrat* [Socrates]. Moscow.
- Суриков, И. Е. *Сократ*. М.
- Surikov, I.E. 2013: [Athens in the eighth and seventh centuries B.C.: emergence of an Archaic polis (To the problem of the degree of specificity of the “Attic way”)]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History] 4, 23—43.
- Суриков, И. Е. Афины в VIII—VII вв. до н.э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта»). *ВДИ* 4, 23—43.
- Surikov, I.E. 2014: [The notions of *agathos* and *kakos* in Archaic Greece (on the data of lyric poetry)]. *Antiquitas aeterna* 4, 21—42.
- Суриков, И. Е. Понятия АΓΑΘΟΣ и ΚΑΚΟΣ в архаической Греции (по данным лирической поэзии). *Antiquitas aeterna* 4, 21—42.
- Surikov, I.E., 2015: [Antiphon IX: Did Antiphon know Solon's laws?]. *Studia historica* 14, 32—58.
- Суриков, И. Е. Antiphon IX: Знал ли Антифонт законы Солона? *Studia historica* 14, 32—58.
- Surikov, I.E. 2016: [The Peripatetic school and the Shaping of ancient narrative tradition on Solon]. *Mnemon* 16, 19—40.
- Суриков, И. Е. Перипатетическая школа и формирование античной нарративной традиции о Солоне. *Мнемон* 16, 19—40.
- Szegedy-Maszak, A. 1998: Thucydides' Solonian Reflections. In: C. Dougherty, L. Kurke (eds), *Cultural Politics in Archaic Greece: Cult, Performance, Politics*. New York—Oxford, 201—214.
- Tedeschi, G. 1982: Solone e lo spazio della comunicazione elegiaca. *Quaderni urbinati di cultura classica* 10, 33—46.
- Tell, H.P. 2015: Solon and the Greek Wisdom Tradition. In: G. Nagy, M. Noussia-Fantuzzi (eds), *Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries*. Berlin—Boston, 8—23.
- Thompson, N. 2009: Most Favored Status in Herodotus and Thucydides: Recasting the Athenian Tyrannicides through Solon and Pericles. In: S. Salkever (ed.), *The Cambridge Companion to Ancient Greek Political Thought*. Cambridge, 65—95.
- Tumans, H. 2011: [The lions and wolves in Homer: Notes to epic table of ranks]. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii* [Aristeas. Philologia classica et historia antiqua] 4, 27—51.
- Туманс, Х. «Львы» и «волки» у Гомера: заметки к эпической «табели о рангах». *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* 4, 27—51.
- Tumans, H. 2015: *Varoņi un varonība Senajā Grieķijā*. Rīga.
- Ungern-Sternberg, J. von 2000: ‘Die Revolution frißt ihre eignen Kinder’: Kritias vs. Theramenes. In: L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg (Hrsgg.), *Große Prozesse im antiken Athen*. München, 144—156.
- Vox, O. 1983: Solone “nero”. Aspetti della saggezza nella poesia soloniana. *Quaderni di storia* 9, 18, 305—321.
- Will, W. 2003: *Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn.
- Worthington, I. 1994: The Canon of the Ten Attic Orators. In: I. Worthington (ed.), *Persuasion: Greek Rhetoric in Action*. London—New York, 244—263.
- Zberovskiy, A.V. 2007: *Sokrat i afinskaya demokratiya (sotsial'no-filosofskoe issledovanie)* [Socrates and the Athenian democracy: a social-philosophical study]. Krasnoyarsk.
- Зберовский, А.В. *Сократ и афинская демократия (социально-философское исследование)*. Красноярск.